

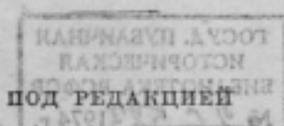
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОТОКОЛЫ

Протоколы Центрального Комитета Всероссийского Совета Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций
ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРОЛЕТАРСКИХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕ-
ТИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

15—20 сентября 1918 г.

П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО.

Издательство „ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА“.

Москва, Ярославская ул., 14. Москва, Ярославская ул., 14. МОСКВА, 1918.

Председательствует тов. П. И. Лебедев-Полянский.

„Пролетариат и искусство“.

Доклад тов. А. А. Богданова.

Для буржуазного мира искусство было „украшением“ жизни. Так ли это для нас? Самые ранние зародыши искусства—это песни любовные у многих животных и у человека, и песня трудовая у человека. Первая—средство организации семьи, брака, вторая—орудие организации труда. Позже возникла песня боевая. Она была средством, чтобы спаять боевой коллектив в единстве настроения. Танец брачный существует не только у людей, но и у птиц; до сих пор танцы служат средством сближения молодежи, первых шагов в деле организации семьи, брака. Танцы военные, воспроизводившие в идеализированном виде жизнь войны,

вполне подобны по своему значению и смыслу боевым песням. Танец „совета“ у индейцев—размеренный, важный, плавный, приводит членов общины или иного коллектива в одинаковое серьезное, вдумчивое настроение, нужное для процесса обсуждения—организует для него коллективные силы духа. Вот перед вами рисунки первобытных художников, нещерных людей, живших 20.000 лет тому назад*). Разве не ясно воспитательное значение этих рисунков, изображающих вид, движения, характер диких животных той далекой эпохи? Ясно, что такое искусство являлось средством воспитания для общины охотников. Воспитание же есть организаторская деятельность. Оно вводит новых членов в общество или общину, делая их пригодными к выполнению их социально-жизненной роли.

Но мы знаем, что искусство есть вообще воспитательное средство. Значит вообще *орудие социальной организации* людей.

Каким же путем искусство организует людей?—Тем, что организует их опыт.

Это делает опять-таки всякое искусство, всегда. Разве предложенные мною вам рисунки—не организованный опыт охотничьей жизни первобытной общины? И современный рассказ, роман—это, конечно, не что иное, как собранный и приведенный автором в известный порядок жизненный опыт, это—наука жизни в образах. Древний миф был даже одновременно воплощением и науки и поэзии: он давал людям в живых образах слова то, что теперь наука дает в отвлеченных понятиях. Например, мифы книги Бытия были одновременно космогонией и историей еврейского народа, вводили еврея в организацию мира, как она тогда понималась, в организацию общины и в живую связь с предками.

Наука тоже организация опыта, средство организации людей, как и искусство. В чем же разница между наукой и искусством?

В том, что искусство организует опыт в живых образах, а не в отвлеченных понятиях. Благодаря этому область его шире: оно может организовать не только представления людей, их знания и мысли, но также и их чувства, их настроения. Музыка, напр., есть *звуковой язык* чувства, лирика—*словесно-образный*, ландшафт—*красочный*, архитектура—*язык камня, дерева и железа*. Разные искусства разными путями связывают людей в единство настроения, воспитывают и социально формируют их отношения к миру и к другим людям. Приведу примеры: воспринимая весенний или осенний ландшафт, мы связаны одним чувством, одним настроением; римский Колизей мы все ощущаем, как каменное воплощение гордости и жестокости властителей мира; в формах готического храма, напр., Кельнского собора, мы видим вековой порыв от мрачной земли средних веков к небу.

Искусство не только шире науки, оно было до сих пор *сильнее* науки, как орудие организации масс, потому что язык живых образов был массам ближе и понятнее.

Ясно, что искусство прошлого *само по себе* не может организовать и воспитывать пролетариат, как особый класс, имеющий свои задачи и свой идеал. Искусство религиозно-феодалное, авторитарное, вводит людей в мир власти, подчинения, воспитывает в массах покорность, смирение и слепую веру. Искусство буржуазное, имея своим постоянным героем личность, ведущую борьбу за себя и свое, воспитывает индивидуалиста. Это опять не то, что надо нам.

Пролетариату необходимо искусство коллективистическое, которое воспитывало бы людей в духе глубокой солидарности, товарищеского сотрудничества, тесного братства борцов и строителей, связанных общим идеалом.

*) Деlegatesм передан снимок с рисунков первобытных людей на Альтажирской пещеры, в Сыз. Испания.

И такое искусство зарождается. Мы имеем его в России в виде молодой пролетарской поэзии. Это преимущественно поэзия *боевого* коллективизма; но уже пробивается и струя коллективизма *строительского*, например, в поэзии Самобытника, Кириллова, Гастева. Я не стану приводить образцов этой поэзии; вы их знаете. Ограничусь одним стихотворением Самобытника, из старых и не самых талантливых, но характерных и по форме и по содержанию.

Моим собратьям.

Мы—звезды в сумраке глубоком;
Едва мерцаем и горим,
И на посту своем высоком
Мы, как умеем, сторожим.
Над угнетенными полями
Мы в час уныния зажглись—
Сверкать свободными огнями
И озарять родную высь.
Порой алмазным дружным хором
Свой черный полог уберем,
То с первой песней—метеором
В глухую бездну упадем.
И песня вольная прервется,
Но не исчезнет без следа:
Кй вслед другая запоется—
И вспыхнет новая звезда.
Опьянены любовью света,
Мы грезим радостями дня,
И до грядущего рассвета
Не тасим дружного огня.
И день придет. Над нашим краем
Светило мощное взойдет,
И мы, свободные, растаем
Средь голубых своих высот.

Здесь коллективистично не только понимание задачи поэта, но и самое восприятие природы: звезды—коллектив неба, борющийся с ночью. Конечно, это наивно, ненаучно. Но и будущий поэт-коллективист, который не сможет применять такие образы, потому что будет слишком проникнут знанием мира и природы, все же будет чувствовать и созавать связь миров, которые разделены безднами, но подобны друг другу, как дети одной матери-природы, связанные общением своих лучей, вечным обменом своей космической жизни.

Товарищи! Поэт-коллективист, как и всякий художник-коллективист, будет говорить не только о пролетарской жизни и не только о человеческом коллективе борьбы или труда. Нет, вся жизнь и весь мир будут содержанием его поэзии; на все он будет смотреть глазами коллективиста, видеть связь община там, где не может ее видеть индивидуалист, будет ощущать всю вселенную, как поле труда, борьбы и жизни с силами стихий, сил стремящегося к единству сознания с черными силами разрушения и дезорганизации.

Но как относиться к старому искусству, которое не стояло и не могло стоять на нашей точке зрения, которое не видело коллектива в жизни и не вносило духа коллективизма в понимание мира?

Попробую объяснить на примерах.

„Фауст“—гениальное произведение тайного советника В. Гете, буржуазного аристократа. Казалось бы, что для пролетариата в нем нет ничего ценного, но вы знаете, что наши мыслители цитируют часто из „Фауста“.

В чем же внутренний смысл этого произведения, какова его „художественная идея“, т.-е., с нашей точки зрения, его организационные задачи? В нем отыскиваются пути для такого устройства, такой организации человеческой души, чтобы была достигнута полная гармония между всеми ее силами и способностями. Фауст—представитель человеческой души, вечно ищущей, вечно мнущейся, жаждущей гармонии. Переходя от одной страсти к другой, от одного увлечения к другому, Фауст всю жизнь ищет этой гармонии. Сопровождаемый темным призраком, Мефистофелем, духом разложения, скепсиса, разрушающей критики, на каждом шагу его пути вновь и вновь раскрывающим противоречия человеческого бытия, он находит, наконец, разрешение задачи. В чем он находит его? В труде на пользу обществу. Фауст занимается осушением и возделыванием бесплодной прибрежной полосы, отвоевывает у природы узкую полосу земли, чтобы на ней могла процветать людская жизнь. Именно тогда, только тогда ему хочется сказать: „минованье, остановись“. В блуждающей душе Фауста сконцентрирован богатый внутренний опыт самого Гете. Это, конечно, еще не наше решение жизненной задачи: это—индивидуалистическое решение. Фауст выступает, как герой, как благодетель человечества. Но все же это—первый шаг, и „Фауст“ для нас драгоценен, так как он пролагает путь к *нашему* решению. А главное—мы знаем, чего в том решении не хватает.

Более 2000 лет тому назад была создана статуя богини, собиравшая в храме массу народа, объединявшая ее в одном, пусть чуждом нам настроении. Эта была Венера Урания—небесная Венера, представительница чистой любви, как ее понимали древние—гармонической любви духовной и телесной. Храм был центром общения, богиня—центром храма. Следовательно, она была центром *организации коллектива*. Она отразила чуждый нам мир в спокойной, величественной, далекой от усилий, напряжения и порыва, но в настоящей, божественной красоте.

Храм был разрушен, богиня была, вероятно, зарыта в землю. Прошли века, новый мир появился в Европе—мир зарождающегося капитализма. Боги умерли. Богиня перестала организовать свой прежний коллектив, но люди почувствовали великую организующую силу статуи, они почувствовали прекрасное. И с того момента, как люди увидят ее, они всегда связаны чем-то общим. В Лувре одна наивная молодая девушка спросила меня: что прекрасного в этой статуе? Я ответил: „а посмотрите на ваших соседей—англичанок“. Прекрасные мисс превратились в обезьянок перед красотой Венеры Милосской. Наука разгадала тайну „божественности“ этой красоты. У статуи сверхчеловеческий (т.-е. больше человеческого) лицевой угол, что выражает преобладание высших центров сознания над низшими. Таким образом, у обезьян лицевой угол меньше, чем у человека, у человека меньше, чем у Венеры Милосской. В этом основная „божественность“ ее красоты. Такого лицевого угла не было, наверное, ни у одного живого грека. Следовательно, тот коллектив творчески уловил линию развития, и таким путем создал свой идеал жизни. То был идеал жизни гармоничной, но в которой нет порыва, нет движения. Эта жизнь чужда усилиям, это—паразитическая красота, это—прекрасный цветок, выросший на почве рабства. Но ведь и будущее общество будет построено на рабстве—только рабы будут мертвые,—железо, машины. Значит, есть в статуе Венеры доля и близкой нам красоты. Все вы знаете рассказ об этом Глеба Успенского. Он описывает, что сделала с ним Венера Милосская, как она очистила его душу от всего мелочного, как перед сияющей красотой ее отошло от него и исчезло все низменно-земное в возвышающей душу созерцании.

А народная поэзия? Возьмите былины об Илье-Муромце. Это—воплощение в одном герое коллективной силы крестьянства феодальной Руси, истинного строителя и защитника нашей земли. Пусть это образ индивидуалистический,—иначе крестьянство не умело и сейчас не умеет

выражать свою душу: в одном лице оно выразило свою коллективную силу. Но, если вы поняли скрытый коллективный смысл образа, разве вы не глубже чувствуете его величественную красоту, разве не веет над вами дух борьбы веков, и не чувствуете вы, что не даром пропали труд и страдания темных строителей прошлого, проложивших через беспроектную мглу веков дорогу истории до того места, с которого уже видна цель и с которого мы начинаем свой путь? Разве сознание этого не организует вашу душу, не собирает ваши силы для дальнейшей работы и борьбы?

И вот хотя бы эти рисунки первобытного художника... Вы чувствуете их красоту, их могучую выразительность: они переносят вас в другой мир и дают такое знание этого мира, какого не даст никакое научное изложение. И вы чувствуете свое кровное родство с этими дикими косяматыми людьми, которые еще не имели мировоззрения, даже хотя бы религиозного, и обладали лишь несколькими десятками зародившихся слов—трудовых криков, но которые так хорошо умеют говорить вам через десятки тысячелетий.

Товарищи, надо понять: мы живем не только в коллективе настоящего, мы живем в *сотрудничестве поколений*. Это—не сотрудничество классов, оно ему противоположно. Все работники, все передовые борцы прошлого—наши товарищи, к каким бы классам они ни принадлежали. Почему мы боремся с буржуазными классами настоящего? Потому, что они мешают продолжать дело истории, которое мы приняли от революционной буржуазии прошлого. Они заменяют этим своим предкам: те шли вперед, героически борясь со стихиями истории, а эти говорят: стой, не хотим идти дальше, лучше отступим. Мы же продолжаем наступление тех исчезнувших полков и говорим буржуазии: вы одеты в их форму, но вы не те борцы, вы передались врагу, силам темного царства истории,—и мы боремся против вас. А те—наши, хотя оружие у нас иное, идем мы другим строем, но дело наше—общее с ними, борьба с мертвым за живое.

Итак, товарищи, искусство прошлого нам нужно, но так, как и наука прошлого, в новом понимании, в критическом истолковании новой, пролетарской мысли.

Это дело нашей критики. Она должна идти рядом с развитием самого пролетарского искусства, помогая ему советом и истолкованием и руководя им в использовании художественных сокровищ прошлого. Эти сокровища она должна передать пролетариату, объяснив ему все, что в них для него полезно и нужно, и чего в них для него недостает.

Художественный талант индивидуален, но творчество социальное: из коллектива исходит и к нему возвращается, для него жизненно служит. И организация нашего искусства должна быть построена на товарищеском сотрудничестве, так же, как и организация нашей науки.

Тогда это искусство будет по духу верно своему идеалу и делается настоящим могучим орудием борьбы за него; оно будет стройно объединять классовые силы в единстве живого сознания общей цели, живого чувства ее бесконечного величия.

История показывает, товарищи, что эпохи бурь и гроз благоприятны для развития искусства, давая ему богатое содержание и внушая жажду новых форм. Такую грозную эпоху мы теперь переживаем,—эпоху, какой еще не видал мир. И она, несомненно, принесет расцвет нашего нового искусства. Товарищи, мое изучение переживаемой действительности убеждает меня в том, что это еще не последние бури и грозы борьбы за новый мир. В этом я наверное разоюсь с большинством из вас. Но я убежден в одном, что это—последний урок истории, урок, из которого пролетариат выйдет зрелым для строго-планомерной и уже вполне победоносной борьбы за социализм. Расцвет пролетарского искусства будет одним из лучших, прекраснейших выражений этой зрелости.

Оно украсит пролетарскую жизнь и борьбу, организовав душу пролетариата. Ибо красота, товарищи, это—организованность. И она же навязывается в науке истиной, в жизненной борьбе и труде—силою. Где есть она, там необходимо и неизбежно будет и победа. А тогда

„Кровью впитанная, станет земля плодороднее;

Будет цветов полевых красота благороднее;

Речи и ласки тань перестанут обман,—

Жизни потоки сольются в один океан“.

(Долгие аплодисменты.)